
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

ЛИЧНОСТНЫЙ АРХЕТИП «СВОБОДА-ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» КАК ИСТИННОЕ ОСНОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВА И ИСТОК СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В XXI ВЕКЕ

ЗАДОРЖНЫЙ Григорий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, академик Академии философии хозяйства (Россия), академик Международной кадровой академии, главный редактор журнала «Социальная экономика», заместитель декана экономического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

КОЛИНЬКО Ольга Григорьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

*80-летию экономического факультета
Харьковского Каразинского университета
посвящается*

*В Господнем замысле о человеке дарована ему возможность,
даже точнее, задание творить и создавать нечто новое.
Человек должен осуществить этот божественный о нем замысел.
Человек должен будет дать и ответ Создавшему об осуществлении
этого творческого дара. Страшный Суд поэтому будет и судом о том,
как и насколько мы исполнили это свое задание, осуществили ли
мы свое творческое назначение на земле.
Архимандрит Киприан (Керн)*

*Мы – ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
А. Бельый*

Юбилейте¹ !!!

Юбилей, по-видимому, придумал человек потому, что они становятся своеобразными праздничными вехами на пути стремления к идеалу и в них является какая-то не вполне осознаваемая и объяснимая глубинная грань самой человеческой природы. Феномен юбилея традиционно соотносится с торжественно-праздничной, радостной и позитивно-энергичной приподнятой атмосферой свершения, к которому сопричастен человек творящий. В поздравлениях к юбилею не только подытоживаются определенные достижения, но и

© Задорожный Г.В., Колинко О.Г., 2013

¹ На международном научном симпозиуме, посвященном 200-летию создания кафедры политической экономии МГУ и 100-летию со дня рождения Н.А. Цаголова (2004 г.), профессор В.Н. Черковец назвал доклад «Не юбилейте!». Вряд ли можно согласиться с таким названием доклада, ибо глубинный торжественно-сакральный смысл юбилея в таком случае все же скрывается в суеде повседневности, теряется один из *ключей* от сферы духовно-вечного, собственно человеческого в ущерб техническому и прагматично-поверхностному.

концентрируются пожелания-задачи в направленности будущего, прежде всего в той человечности-ценности, в которой сама основоположная суть жизнедеятельности самореализуется в лице вечности. *Чело-Век* как сущностное определение особого *одухотворенного* биологического вида в потоке дления юбилейных дат каждый раз задумывается, при(вос)поминает, открывает какой-то «мазок» в картине Творения, штрих божественных чертежей, который каким-то чудным действием осуществляется *личностью*. И, может быть, предназначение юбилеев – индивидуальных и совместных сокрыто в том, что они всегда оказываются *личностным* праздником в *человечно-человеческом* мире *любви*. И, может быть, юбилеи – это те особые знаки божественного замысла-дара, в которых верховная святыня мирозерцания и соучастия в Творении – человеческой личности, изначально заложенной Софией-Премудростью Божией – открывает Врата *ценностно-смыслового универсума свободы-ответственности* в реальность очеловечивающего спасения. И, может быть, юбилеи нужны человеку в обыденности с тем, чтобы торжественные регистры голоса вечности возвышались еще больше и еще сильнее концентрировались и крепчали в зовах временности, ибо дление действительности формирует гармонически-прекрасное целое посредством самопознания и самореализации человеческой личности.

И, по-видимому, в самих юбилеях заложен сакральный смысл-призыв к единству во имя высшей реальности, к пробуждению объединенной энергии, питающей человека и его сообщества в ростках *побежденности ненавистному разделу и разделенности мира*, в ростках малых прототипов *живоначального собирания* человечества в духовном единстве и братской любви. Символичность прообраза праздничного юбилейного торжества является в каждом церковном служении, когда в обращении-формуле «братья и сестры» скрывается наиболее точное отображение *софийности* социальных отношений, созвучно становящейся глубинной мелодией реализма духа, открывающегося в многоголосии, где каждая личность откликается и встраивается в хор жизнеблагостного дления. Юбилейные точки напряжения духовного делания в определенной мере не просто задают достижительность, но и, что более значимо, *точечно* напряженно приподнимают завесу ноуменального мира, когда духовному взору личности открывается бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «вышний мир» горнего мира, где «вражде и ненависти, царшем в дольном, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечном безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних»². Юбилеи обостренно-обнаженно призывают личность не только открываться своими лучшими человеческими качествами, но и являют ее *глубинное чувство духовной ответственности*, прежде всего за онтологическое духовное постижение, а затем и за процесс хозяйствования, которое реализует-развертывает ценностные онтологические коды человеческой деятельности-творчества, лелеемым припоминаемыми-открывающимися божественными «архетипами» духовной родины.

Точки юбилеев – сгусток мыслительной энергии. Мысль, как бы вытягивается словом, следует за словом. Слово «юбилей» ко многому обязывает. В точке юбилея факультета как учреждения, прежде всего, научно-образовательного невольно переосмысливается по-новому этот его статус, связанный с задачами, да и с пределами самой науки, в том числе и экономической. И в этом юбилейном переосмыслении дления целостной жизнедеятельности человека должна качественно, радикально меняться суть нашей современной кризисной *человековедческой*, а она не может особенно во время императива выживания одновременно не быть, *человекоспасительной науки*. В этой связи неким маяком, указывающим предстоящий путь научных преобразований, могут служить слова выдающегося современного психолога и мыслителя В.П. Зинченка о том, что «наука, исследующая разум и оставляющая за рамками изучения дух, не имеет шансов разобраться и в разуме. Максимум,

² Флоренский П.А., священник. Автореферат; Троице-Сергиева Лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем. – М., 2010. – С. 41.

на что она способна, это прийти к искусственному или, что то же самое, – к «инвалидному» интеллекту, поскольку она игнорирует действительную природу разума. Ибо разум есть реализация духа»³. И **без постижения духа, духовности** все «научные» теории человека как **живой творческой нравственно ответственной личности** являются не более, чем мертвыми призраками, концептами и силуэтами, пустопорожними лукавыми построениями, которым пытаются придать столь «ценную» для большинства нынешних экономистов и не только для них *логико-рацио-расчетную* схему, но и повсеместно манипулятивно вменить то, что вседозволенность становится новой общественной «ценностью». Не этот ли примитивный схематизм в понимании человека-личности стал *главной причиной* столь затяжной, глубокой и длящейся *кризисности* обществоведческой, гуманитарной, в том числе и экономической науки?

Думается, что, начиная размышлять о кризисе действительности и кризисе науки, вновь и вновь необходимо соотносить свои мысли с тем важнейшим жизнеутверждающим ориентиром, который обосновал Н.А. Бердяев: «...судьба моя должна выражать и судьбу мира и человека. Это не переход от индивидуального к общему, а *интуитивное раскрытие универсального в индивидуальном*. Философия, метафизика есть не отражение объективных реальностей, а *изменение внутри человеческого существования*, обнаружение смысла существования. Метафизика есть выражение существа... И человек понимает что-нибудь лишь тогда, когда мысль проникается чувством и приходит в движение *все существо человека*. То, что называют бытием, определяется не мыслью, не познанием, не идеей, а *целостным субъектом*, т. е. и чувством, и волей, и всей направленностью. Этим создаются разные миры. *Истина творится в субъекте, она не дается объективно извне*»⁴ (выделено нами – Г. З., О. К.).

***Свобода-ответственность как «геном» и фундаментально-актуальная
основание-структура императива благостного хозяйство-жизнеотправления***

*Для того чтобы познать духовный предмет, необходимо самому
духовно быть и организовывать в себе подлинный духовный опыт.*

И.А. Ильин

*Человек как свободное существо реализует свою свободу
через ответственность... Определяя свою свободу,
человек, и только он, признавал и свою
собственную ответственность.*

А. Н. Ермоленко

Устойчивое хозяйственное развитие должно стать пространством реализации *императива выживания человечества* в современном поликризисном мире. При этом весьма актуальной проблемой стало **переосмысление ценностного основания** разрабатываемых на будущее **стратегий**, которые, с одной стороны, должны иметь достаточно веские *историческо-культурные, ментальные корни, укореняющиеся в настоящем*; с другой стороны, ориентироваться на *новые возможности упразднения мега-рисков* человеческого существования-выживания. В этой сложнейшей и весьма напряженной ситуации «социальная теория не может быть не погруженной в надежды и тревоги (заботы и озабоченности) индивидов, заброшенных в глобальный социальный контекст XXI в. *Свобода личности* в таком контексте формируется в условиях *четкого осознания* не только

³ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – С. 264.

⁴ Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 144, 145.

собственной автономии, но и осознания связанных с нею риском и *экзистенциальной ответственностью*. Современных творцов свободы не обескураживает такие ее последствия, как перманентно негарантированное положение носителей свободы, их обреченность *нести ответственность* за сделанный выбор»⁵ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Стало совершенно очевидным, что императив выживания не может быть обеспечен *вне ответственности человека* за его мысли и действия в эволюционном потоке *человечности*, очеловечивания на базе реализации глубинных духовно-нравственных ценностей. Но вместе с тем сегодня переосмысление истинных человеческих ценностей нацеливает на поиск *более глубинных слоев осмысленности целостной жизнедеятельности человека*, где проблема свободы, особенно в неолиберальной, неоклассической теории, видится весьма *поверхностной и схематичной*, сведенной к примитивному *свободному выбору*. И в этом аспекте совершенно неспроста и аргументировано отдельные ученые заговорили об *экзистенциальной ответственности*, где *открываются (пра-воспинаются) новые глубинные уровни свободы и ответственности* в миропостижении.

Осмысление проблемы ответственности в современном длящемся кризисном мире не просто актуализируется, но она вышла на *первый план*. Это объясняется, *во-первых, длящейся патовой ситуацией* современности, где беременный *кризисностью-катастрофичностью активизм технонауки* в безостановочном порыве *экономоцентризма и потребительства* никак не может/желает создать прочную *нравственно-мировоззренческую основу гарантированного выживания* человечеству.

Патовая ситуация стала *явным* представлением-пониманием, что «человечество оказалось в *ловушке собственного могущества*», когда «главное – *бытие* как высший дар судьбы превратили в *инструментальное средство технической стратегии* человечества, в предмет производственной перестройки. *Теряется* благоговение перед существующим, уважение к нему и *ответственность за бытие*». Эта ситуация стала *«абсолютной ошибкой»* (К. Поппер), когда «сверхресурсы и сверхусилия значительной части человечества были растрочены на реализацию исторических *сверхфигий*. Стало ясно, что на земле нельзя построить рай, а можно только *предотвратить ад*. Это означает, что всемирно-историческая деятельность начинает ориентироваться не на достижение всеобщего счастья, а на *ограничение деструктивных сил*, борьбу с демонизмом, противоестественных разгулом губительных сил»⁶ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Кризисные конец XX века и начало века нынешнего породили *сверхактуальную необходимость понимания* того, что «теперь же *вся ответственность* за состояние эко-био-антропосферы и Порядок в ней легла на плечи *человека*. Цена экологической *безответственности* человечества возросла до *цены его собственного бытия*»⁷ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Но эта цена вместе с тем становится *ценой и платой за преобразование внутреннего духовного мира человека*. Понимание *смысла* этой цены настоятельно задает *новый формат* миропостижения, в котором требуется *объединение* вопроса «Что я должен делать?» с вопросом «*Каким я должен быть?*». Здесь важно постоянно осознавать *грань перехода внешних практических действий во внутреннее смыслотворчество*, которое происходит в формате *свободы и ответственности*, их *неслиянного единства* и определяет *духовность как таковую*, т. е. способность *созидать свой внутренний мир*, «внутреннюю вселенную» личности, независимую от конъюнктурных обстоятельств наличной действительности. Поэтому «духовность – это всегда путь к самому себе, к своей личности, путь, наверное,

⁵ Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопросы философии, 2003, № 3. – С. 62.

⁶ Крымский С. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С. 185.

⁷ Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопросы философии, 2003, № 3. – С. 55.

самый долгий в человеческой жизни»⁸ и он *в каждой своей точке* должен сопровождаться *личной ответственностью* за свое житнетворчество.

В нынешней весьма рискованной и опасной ситуации *императив выживания человечества трансформируется в императив человеческой личностной ответственности*. Речь идет об изменении *именно императива нынешней жизнедеятельности*. Только превратив *ответственность личности в императив*, можно надеяться на возможность *выживания* человечества.

Одним из первых этот вектор осмысления современного бытия обосновал еще в 50-е годы XX века заведующий кафедрой этики Католического университета в Люблине Кароль Вайтыла, ставший Папой Римским Иоанном Павлом II. «Именно в реализме как экзистенциальном требовании, перефразируем Канта, осуществляется связь человека с миром и Богом, иначе всё можно придумать, оправдать и от всего отказаться. Словно бы кантовский категорический императив с его призывом «действовать так, чтобы в своем лице никогда не относиться только как средству, но и всегда и как к цели», Войтыла *заменяет императивом реалистической ответственности*, подразумевающей сиюминутную – но перед лицом вечности! – осознанность присутствия в бытии, и в бытии Бога»⁹ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Во-вторых, качественно меняется сам *формат осмысления ответственности*: он неизбежно предстает как *синкретично-целостный*, развертывающийся на разных, но взаимосвязанных и взаимовлияющих уровнях – от *индивидуальной до универсальной ответственности*, которые как бы *оконечивают* всю сферу ответственности. Особенно четко такой формат видится в предметном поле *социальной этики*. «Обращение к социальной этике не значит, что речь идет здесь о коллективной этике *институций* как анонимной этике, где *исчезает* ответственность конкретного *индивида*. Социальная этика *не убирает индивидуальную*, а *очерчивает ее границы*, и наоборот, *индивидуальная этика очерчивает границы социальной этики*. Они должны взаимно ограничивать и дополнять друг друга, определяя *горизонты ответственности*: индивидуальной, институциональной, социальной и универсальной. Поэтому вопрос Канта *что я должен делать* не теряет своей актуальности, он только дополняется вопросом *что мы должны делать вместе*, как обосновать нашу общую ответственность, в которой была бы идентифицирована и индивидуальная ответственность, и чтобы эти ответственности соединились между собой и служили как обязанность всем нам?»¹⁰ (выделено жирным курсивом нами – Г. З., О. К.).

Сегодня *беда* большинства публикаций об ответственности, а вернее – их авторов, проявляется в том, что социальная ответственность *слепо, неразмыслительно* сводится к

⁸ Крымский С. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С. 235.

⁹ Войтыла Кароль (Папа Римский Иоанн Павел II). Личность и поступок: Антропологический трактат. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 12-13.

Прояснить выражение «*сиюминутную – но перед лицом вечности!*» здесь можно словами С.Н. Булгакова: «Вечность лежит не *за* временем или *после* времени, но наряду с ним, *над* временем, как для него идеал, и *под* временем, как его основа, которая ощущается временем лишь через призму ничто, небытия. В любом миге бытия, в каждом его моменте просвечивает вечность, целостная и неделимая, в которой нет настоящего, прошлого и будущего, но все, что бывает, временно есть. Вертикальные сечения времени проникают в вечность, поэтому-то ничто из того, что только однажды мелькнуло во времени, не может уже исчезнуть, обратиться в небытие, ибо имеет какую-то проекцию в вечность, есть сама она в одном из бесчисленных ликов своих. В этой свободе от временности, в этой неистребимости раз бывшего заключается и радость бытия, и страх пред вечностью, ее угроза: на Страшном суде ничто не позабудется и не укроется» (Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008, с. 278).

¹⁰ Ермоленко А.М. Соціальна етика та екологія. Гідність людини – шанування природи. – К.: Лібра, 2010. – С. 24-25.

корпоративной ответственности (в этом повсеместная фишка *подражания Западу* и нынешняя *поверхностная мода*), а ответственность индивидуальная, а тем более и универсальная остаются «за кадром». Но *без глубинного анализа индивидуальной личностной ответственности*, которая в *онтологическом* плане во многом перекликается с *универсальной ответственностью*, серьезно исследовать социальную, как и ее более узкую форму – корпоративную ответственность, означает *искажать* истинное постижение проблемы ответственности, руководствоваться далекими от требований реальности и весьма ограниченными примитивно-поверхностными, но уже ставшими почти супер-модными (теперь – и финансовыми!) отчетами о «наличии» корпоративной социальной ответственности. Но как можно *количественно измерять* то, что относится прежде всего к *качеству* жизни, *духовно-нравственному* основанию *человечности* – вопрос риторический. В этом смысле *измышление* количественных показателей *якобы* «ответственности» представляется *прямым забалтыванием* действительной острой современной проблемы в коридоре тупиковой кризисно-катастрофической неоклассической «методологии».

В-третьих, индивидуальная ответственность не может раскрываться *вне исследования внутреннего духовного мира личности*, ибо ответственность является *фундаментальным основанием-элементом* разворачивания-развития личности, ее *целостности*. Поэтому необходимо за более поверхностно-схематичным понятием *индивидуальной* ответственности видеть глубинную *личностную (личную) ответственность*, а наглядной ареной ее *внешнего* разворачивания-реализации (объективации) видеть *хозяйство* как *целостную сферу жизнеотправления* человека (Ю.М. Осипов).

При этом надо размыслительно понимать, что в *психосоциокультурной матрице* (И.В. Карпенко) *повседневности* всегда, в основном негласно, как бы по умолчанию, в осознании-действии человека присутствует духовное «*пра-воспоминание*» (М.К. Мамардашвили) *неслиянной соединенности свободы и ответственности*. Постигание *триипостасной* – *духовно-био-социальной* природы человека (личности) как творчески-ответственного «*базисного*» хозяйственного субъекта позволяет говорить о «*геноме*» (включающем в органическом единстве *гены – биологическое, мемы – культурное, уны – человеческое*) *свободе-ответственности*, который именно *развертывается* в процессе жизнедеятельности личности в каждой ее *точке интенсивности* (М. К. Мамардашвили).

Именно *свобода-ответственность* является *исходно-первичной духовной мыслеформой*¹¹, которая развертывает *качественную* специфику *человека*, самореализует суть *человеческий* мир как целостную жизнедеятельность или жизнеотправление, где *ипостась ответственности* как бы конкретизирует-уточняет-наполняет *каждую точку реальности человечеством*. Поэтому приходит осознание и понимание, что, с одной стороны, «человек как свободное существо реализует свою *свободу через ответственность*. Поэтому ответственность прежде всего была связана со свободой отдельного человека. Определяя свою свободу, человек, и только он, признавал и свою собственную ответственность»¹²; но, с другой стороны, «когда на первый план выходит дискурс *онтологии человека*, актуализируется проблема «*промежуточных*» форм реальности, т. е. *бытия*, о котором свидетельствует и которое удостоверяет цивилизация, подавая его в качестве *очеловеченной* действительности»¹³ (выделено нами – Г. З., О. К.).

¹¹ «Сначала Земля была в стадии просто визуализируемой мыслеформы, и лишь затем в виде материи – посредством Духа, который пожелал этой материи стать» и «физический мир – это всего лишь небольшой эпизод в гораздо большем контексте жизни и что реальность прежде всего развертывается в нефизической области. Я не верю, что физическая реальность – источник бытия. Я думаю, что бытие, как и сознание, предшествуют физическому миру» (см.: Талбот М. Голографическая Вселенная. – М.: ИД «София», 2005, с. 340-341).

¹² Ермоленко А.М. Соціальна етика та екологія. Гідність людини – шанування природи. – К.: Лібра, 2010. – С. 182.

¹³ Крымский С. Экспликация философских смыслов. – М.: Идея-Пресс, 2006. – С. 28-29.

Свобода-ответственность должна пониматься как *основоположная духовно-правственная ценность*, которая предопределяет и развертывает *ценностно-смысловой универсум* человека, а он (универсум) в рациональном или иррациональном варианте «репрезентирует человеческое присутствие в бытии, человеческое наполнение круга бытия, очеловеченную действительность»¹⁴.

Эти основные *методологические* предпосылки исследования-понимания проблемы ответственности задают *коридор, поле* сущностных «пра-воспоминаний»-размышлений, необходимых для создания и реализации *истинно человеческих* стратегий выживания человечество. В этом поле рассмотрим некоторые важные аспекты *хозяйствоведческого* знания в аспекте проблем ответственности.

В работе «Непостижимое» С. Франк обращается к проблеме *ответственности* человека *за зло* и открывает путь к пониманию и самой ответственности: «сознание моего соучастия во зле – в том, чего *«не должно быть»*, – неотделимо от сознания *моей* ответственности, *моей «вины»* в этом», а специфика глубинного понимания ответственности покоится в том, что «ответственность несет та *точка бытия* – одновременно бытия *моего* и *превышающего меня*, в которой я совпадаю с ним в неразделенно-неслиянном двуединстве»¹⁵, отражающем всеединство бытия, где человек является не только частью целого, но и несет в себе само это целое.

Ответственность, как и свобода – это *исходные ноумены, самодостаточны*, невыводимы ни из каких других. Свобода и ответственность представляют собой стороны *изначального двуединства*, т. е. в их истинном понимании они предстают как «две стороны одной медали», а поэтому *разрыв* их в теоретическом плане закладывает весьма существенные коллизии, даже *катастрофы* в действительном практическом мире. Для их истинного постижения, нам весьма убедительно представляется, было необходимо *ввести в научный оборот категорию свободы-ответственности*¹⁶ наподобие категории *пространства-времени*, фиксирующей *единое неразделимое пространство-время*, которое более глубоко и на полвека раньше, чем И. Пригожин и И. Стенгерс, описал В.И. Вернадский¹⁷.

Для постижения проблемы *свободы-ответственности* необходимы *метафизические размышления*, ибо в своем *неразделимом единстве свобода-ответственность* покоится в глубинно-сущностной природе *личности, всецело* принадлежат сфере *духа*. Именно из этого единства свободы-ответственности исходят *все* глубинные *ценностные* установки личности, которые (должны) объективируются в ее хозяйственной жизнедеятельности. *Разрыв* свободы-ответственности порождает все *суетные* проблемы. *Потеря ответственности* – это *утрата человеком способности к истинному использованию свободы*. Свобода в отрыве от ответственности превращается во *вседозволенность*, рождает внутренне *разорванного*, как минимум, *раздвоенного* человека, который *не может жить полноценной жизнью*.

Личность его, как внутреннее глубинное ценностное единство, *разрушается*. И никакой *внешний закон* не может *справедливо* отрегулировать межчеловеческие единое-единственное «я». Личность заключает и свободу, и ответственность, которые имеют, так сказать, *рефлексивную природу*, отсвечиваясь одно в другом, но отсвечиваются так, что это по сути *единое-единственное*, которое и есть предисходной *свободой-ответственностью*. И эта свобода-ответственность не имеет оснований, т. е. является *предоснованной*. В ней

¹⁴ Там же. – С. 33.

¹⁵ Франк С. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 484, 486.

¹⁶ См.: Задорожный Г.В., Колинко О.Г. Хозяйствование как процесс ответственной объективации глубинного ценностно-знаниевого первоначала человека // Социальная экономика, 2013, № 1. – С. 18.

¹⁷ См.: Симаков К. К генеалогии реляционно-генетической концепции времени // Свободная мысль-XXI, 2003, № 4. – С. 108.

находят основания постижения мироздания, ибо она *изначально* «определяет» саму среду, в которой разворачивается *вся полнота опыта личности*, т. е. она предстает в форме *исходной основополагающей интуиции* для самопостижения и самореализации личности.

Свобода-ответственность в таком понимании «я» (глубинно-сущностная предопределенность личности, ее геном и архетип) предстает именно исходной точкой пространства-времени, которая разворачивается в *физическом мире* прежде всего через *физические константы антропного принципа*, а затем и в пространственно-временном материально-вещном мире. Но *в то же время* эта исходная точка разворачивается и по *личностно-человечной, духовной «оси»*, представляя процесс *развертывания свободы-ответственности как сознательного человеческого творчества*. По сути, здесь говорится о разворачивании *единой предсущности*, но в разных объективированно воспринимаемых мирах: *физическом и духовном*. Здесь находит доказывание, что *физические константы антропного принципа обеспечивают развертывание духовно-нравственной константы* этого принципа, которая *исходно предзаложена* в свободе-ответственности как во *вневременном центре* человеческой-человечной личности.

В этой исходно-изначальной свободе-ответственности личность предстает перед *пустым миром*¹⁸, но через нее же «берёт» *ответственность* за «сотворение» мира, свободно-ответственно *распаковывая* в нем те *смыслы*, которые как тайна находятся в *вероятностном смысловом континууме*. И в этом статусе-процессе *преодоления жесткой личностной капсулизации*, который именно и предстает разворачиванием свободы-ответственности постижения жизнетворческих смыслов, *личность* можно понимать как *смысл смыслов*, как постоянную устремленность к тайне, как постоянное напряженное усилие к жизнетворению. Указывая на принадлежность свободы-ответственности *сфере духа*, принципиально важно подчеркнуть, что *специфика духа* определяется тем, что «дух может быть организатором, он может владеть техникой для своих духовных целей, но он будет сопротивляться превращению его в орудие организаторского технического процесса»¹⁹.

Свобода-ответственность проявляется-реализуется *в хозяйстве и целостной деятельности человека*, познание которых возможно только в формате *метафизических и ценностно-нравственных* размышлений. При этом *специфика* свободы-ответственности сводится к тому, что она *автоматически не воспроизводится в каждой отдельной ситуации* или отдельном действии, *поступке*²⁰ личности. Каждый раз свобода-ответственность «созидается» *заново* и требует *напряженных личностных усилий*.

Рационально-прагматическое мировоззрение и мышление, которое в нынешней ситуации представлено в империализме экономизма и его современных огламуренных формах, *игнорирует* и всячески *замалчивает-затушевывает* изначальную взаимосвязь свободы и ответственности, *свободы-ответственности*, так сказать, как *проблема* их исходного единства, синкретичности, которая «присутствует» в сущностных основаниях-характеристиках и поступках личности. Отсюда следует ныне весьма распространенное поверхностно-схематичное понимание *свободы* как *своеволия* и *вседозволенности*, полностью *оторванных* от ответственности.

¹⁸ См.: Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 261.

¹⁹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 660.

²⁰ Весьма показательной в этом плане является связь свободы и ответственности в поступке: «так или иначе, но философия собственности предстает в контексте философии поступка, прежде всего – проблем свободы и ответственности», что задает новый формат мировоззренческого осмысления духовной собственности и необходимости ломки привычных стереотипов (Тульчинский Г. Свобода и собственность // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993, с. 442).

Такой *извращенной* «свободой» так умело в своих *корыстных целях* сегодня пользуется *кастроэлита*, не понимающая, что своей вседозволенностью/безответственностью *непонимающе и слепо* взращивает действительно *катастрофичное будущее*, прежде всего, *для своих детей и внуков*. Сиюминутная ориентация на успех и персональный комфорт уже обернулась широкой *моральной деградацией общества и материальной ущербностью* как условием нормального жизнотворчества. Поэтому новое понимание реализации императива выживания человечества и спасения человека *необходимо требует* всестороннего исследования личностного архетипа, *«генома» «свобода-ответственность»* как основания развертывания *устойчивого духовно-социально-экономического* развития.

Поэтому есть серьезный повод для каждого человека вновь и вновь задумываться над словами Л. Баткина: *«Моральность рождается в момент выбора под личную ответственность, а не как результат наложения готовой парадигмы. В политике, в истории наиболее важной проблемой, в свою очередь, становится определение индивидуумом границ этой ответственности»*²¹ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Личная, личностная ответственность, как ипостась свободы-ответственности, является *основанием развертывания всех* форм и видов ответственности. *Ипостасность* личностной ответственности характеризуется тем, что *ответственность не может вменяться* ни под каким предлогом человеку, ибо *насилие* под видом *навязывания ответственности всегда* означает *насилие* над свободой, а это уже *не свобода, а рабство*. Ответственность *не вменяется, не насаждается* другим индивидом, любым институтом или институцией, *не задается* как норма, предписание или обязанность. Ответственность вспоминается, внутренне осознается, внутренне формируется как отражение внутренней совести. Более того ответственность – это *внутреннее понимание со-Вести и ее самореализация* личностью. *«Это предполагает творческий ответ человека Богу»*²² (выделено нами – Г. З., О. К.). В этом исходном предопределении-предположении покоится самый глубинный источник ответственности человека.

Ведь и свобода не может быть навязана насильно никому и никем. Свобода самопостигается и самореализуется личностью в духовном мире. *«Свобода человеческой личности не может быть дана обществом и не может по своему истоку и признаку зависеть от него – она принадлежит человеку как духовному существу», «свобода не может быть вкоренена в природе, она вкоренена в Духе»*²³.

И в этом плане весьма важно для реализации императива выживания человека и человечества *не за-говаривать упрощенно-пустыми концептами, поверхностными схемами и гламурными ярлыками* неоклассической, неолиберальной науки проблему *истинной ответственности человека*, а пытаться постигать уровень *сущностного устройства* мироздания, где *человек-личность* предстает *центром, ядром* предмета постнеклассической – *человекомерной* – науки.

В этом плане сегодня вновь становятся важнейшими смысло-понимательными обоснованиями максимы П. Тейяра де Шардена о роли и значении человека в Универсуме, ибо *«универсум – собиратель и хранитель не механической энергии, как мы полагали, а личностей»*, и в нем *«однажды образовавшись, мыслящий центр может изменяться, лишь углубляясь в себя»*²⁴ (выделено нами – Г. З., О. К.). В этой связи всплывет еще пока недостаточно осознанный аспект, указывающий на связь свободы-ответственности с ролью *ментальности* в современном бытии. Проблема видится в том, что свобода-ответственность, *«всплывая»* на более представимый уровень *психосоциокультурной матрицы*

²¹ Баткин Л.М. Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии, 1997. – С. 113.

²² Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 25.

²³ Там же. – С. 43, 29.

²⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 387.

повседневности, проявляется и выражается в ментальности, где «обитают» *архетипы* как многовековые формы коллективного бессознательного. Архетип свободы-ответственности в нашей традиционной ментальности всегда связывался с понятием *хозяина, хозяйства*, т. е. того, кто инициировал хозяйственные изменения (к лучшему) на основании своей ответственности, под свою добровольную ответственность. И эта ответственность была как бы «краеугольным камнем» хозяйственных действий-преобразований, она извечно передавалась от поколения к поколению, реализовалась в преемственности поколений, т. е. покоилась в менталитете народа.

Однако *вмененные* за десятилетия патерналистским государством *идеи коллективной ответственности*, а правильное – коллективной без-ответственности (здесь разница подобна тому, когда *пенние* превращается в коллективное *со-пенние*) постепенно изменяло менталитет, когда глубинные его здоровые, жизнеутверждающие формы искусственно изменялись, заменялись теми блее поверхностно-примитивными формами, которые не способствовали здоровой жизни народа. В этом плане в геноме свободы-ответственности начал происходить *разрыв* «сторон» единства: свобода превращалась в своеволие и вседозволенность, а ответственность искусственно умалялась и даже игнорировалась прежде всего через насаждение коллективной *со-ответственности*. В последнем процессе главным ориентиром действительности становилась не ответственность как *внутренний*, нравственно осознанный мотив человека, а *со-ответствие*, как простое вменение-подражание *внешнему* образцу. Эта *подмена* постепенно укоренялась в массовом сознании, ибо «в целом это всех устраивало, во всяком случае, в психологическом плане. Люди всегда весьма охотно перекалывают тяжесть ответственности на других, особенно на государство»²⁵. Но все же в более глубинном слое ментальности, где заложено ядро человеческо-человечного начала, свобода и ответственность не сводятся к их нынешним *схематичным симулякрам*, хотя в сознании и психологии людей изменения происходят. Но, как пишет Э.М. Либанова, «абсолютно понятно, что дальнейшее игнорирование «ментального фундамента» станет непобедимым препятствием на пути выхода из кризиса, даже если иметь в виду исключительно его экономико-финансовую составляющую. Ответы на кризисные вызовы лежат в сфере не экономики, а больше в философии, нравственности, культуре, а вывод относительно диагностики нынешнего кризиса привязывает его происхождение с разрушением (частично через глобализацию) соответствия экономических процессов ментальности населения, масштабы – со степенью глобализации». Поэтому-то столь важное, можно сказать – первоочередно-фундаментальное значение сегодня приобретает «необходимость формирования массового чувства достоинства и ответственности»²⁶.

При этом именно свобода-ответственность в живом человеческо-человечном мире столь же фундаментальна, как пространство-время в мире физическом. По большому счету наука, современная наука XXI века *явно* превращается в *человекомерную*, а *свобода-ответственность личности* – это то основоположное понятие, научная категория, геном-клеточка, не только научного познания, но и живой реальности, из которой должна наука *развернуть* новое актуальное постижение-видение-знание Универсума. Нынешний дрящущийся кризис действительности происходит во многом, но, безусловно, в главном потому, что, как писал П.А. Флоренский, «научное мировоззрение и качественно и количественно утратило тот основной масштаб, которым определяются все прочие наши масштабы: *самого человека*»²⁷. И наука традиционная – механико-материалистическая, технократическая, бездуховная, прибыльно-делательная – стала *жизненно безответственной*, ибо

²⁵ Либанова Е.М. Вплив сучасної кризи на ментальні особливості, психологічні орієнтації та населення України // Глобальна економічна криза 2008-2010 років: світовий досвід та шляхи подолання в Україні: монографія. – Донецьк: Юго-Восток, 2010. – С. 282.

²⁶ Там же. – С. 283, 284.

²⁷ Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С. 344.

«бесчеловечная субъективность, по какому-то странному недоразумению себя объявляющая объективностью (себя!), вносит в мыслителя раздвоенность сознания, и, как мыслитель, он думает и говорит в прямой противоположности тому, что думает и говорит сам человек. С кафедры он отрицает тот масштаб, которым одним только он измеряет жизнь на самом деле и который дает ему жизненные силы также и для деятельности на той же кафедре»²⁸. Личная жизненная истинная свобода-ответственность в своем глубинном понимании-развертывании посредством *пра-воспоминания* позволяет нащупывать не только некоторые отдельные линии великих построений, но открывает *новые возможности* осознания их внутреннего *смысла и ценностей*, через прошлое и настоящее прозревать и хозяйственно созидать возрожденческое человеческое будущее.

***Свобода-ответственность в контексте исторического знания и
как главная проблема современного человекомерного познания***

*Человек – единственное известное нам существо,
которое способно быть ответственным.*

Г. Йонас

*Главная проблема сегодня в том, что люди устранились
от божественного восприятия ответственности,
которую нельзя делегировать, поэтому требует,
прежде всего, философского осмысления.*

В.Г. Белолитецкий

Свобода-ответственность – это глубинная онтологическая сущность-основание развертывания свободы в ее человеческом постижении. Свобода-ответственность покоится в *онтологической основе синкретичной природы человека*, который был задуман и создан «по образу и подобию», а «мир создан ради человека и в человеке, который *по предназначению* своему есть *deus creatus*, «*бог по благодати*», «*по благодати сыновнего послушания*. Мир в качестве незыблемой основы включает свободу и *царственное достоинство человека*»²⁹ (выделено нами – *Г. З., О. К.*). Свобода, как и благодать сыновнего послушания, и царственное достоинство человека – это, по словам С.Н. Булгакова, незыблемые основы мира. Но можно ли благодать сыновнего послушания и царственное достоинство человека свести к чему-то насаждающемуся извне, к необходимости? Необходимость все же относится к чему-то внешнему, насильственно-принуждающему, но отнюдь не ко внутреннему духовному миру человека. Послушание и достоинство воспринимаются здесь как глубинно внутренние качества-ценности, они покоятся внутри природы человека, и они знаменуют себя ответственностью, сопряжены с ней. Благодать сыновнего послушания и царственное достоинство человека самореализуются и вытекают из ответственности. Они свидетельствуют о том, что коренятся внутри ответственности. Поэтому, на наш взгляд, вполне правомерно говорить о том, что незыблемая основа мира включает в себя свободу и ответственность, которая изначально предзаложена как свобода-ответственность в духовной природе человека. Именно *свобода-ответственность* во внутренней духовной природе человека, а затем и в человеческом мире взаимодействий личностей «является» *геномом-программой*, развертывающим создание мира *в человеке и ради человека*. В такой «системе координат» постижения мироздания «миротворение есть акт божественного всемогущества и вместе любви-смирения»³⁰.

²⁸ Там же.

²⁹ Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. – С. 452.

³⁰ Там же.

Попытаемся приблизиться к раскрытию такого взгляда в постижении мироустройства, исходя, прежде всего, из принципов становящейся постнеклассической – человекомерной науки, где взаимодействие научного и вненаучного знания открывает новые возможности человеческому миропостижению.

Начнем с того, что исходно-первичный *разрыв* свободы-ответственности произошел во время *грехопадения человека*, ибо за грех постижения человек был изгнан из рая – того гармоничного состояния Творения, где жизнь определялась *божественной симфонией* существования всего сотворенного. В этом плане весьма показательны рассуждения С.Н. Булгакова об *изначальном единстве* хозяйства и искусства, которые «являются только *разными* сторонами *одного и того же целостного* жизненного процесса, жизни в гармонии и красоте, причем и сама она становится непрерывно совершающимся творчеством красоты, производением искусства. Хозяйство здесь не различается от искусства, так что не существует ни хозяйства, ни искусства в их отвлеченности. Таковым можно считать *эдемское состояние* прародителей *до грехопадения*, и такова же внутренняя, *онтологическая*, норма человеческого творчества. Человеку еще в раю было *поручено* возделывать и холить землю, он изначально был *призван к активности и творчеству* в мире. Его *активность* была *свободна* от принудительности, а потому и обособленных задач для искусства и хозяйства не могло существовать там, где не было ни искусства и неискусства, или хозяйства или нехозяйства. Таковой синтез хозяйства и искусства, деятельная творческая жизнь в красоте, *предуказан* был для Адама и Евы. Это *изначальное единство* жизни *раскололось* после *грехопадения*, когда создался плен плоти и *необходимость хозяйства*, а тем самым обречено было на особенное существования и искусство»³¹ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Здесь *онтологическая* норма человеческого творчества соотносится с поручением возделывания земли как *призыву к активности*, которая *свободна* от принудительности. В самом призыве еще *нет принудительности*. Но свободная активность связана не с принудительностью, а именно с внутренней ответственностью, которая, наравне со свободой человека, являются *разными «разными сторонами одного и того же целостного* жизненного процесса, жизни в гармонии и красоте». И в этом плане С.Н. Булгаков весьма четко и однозначно говорит о том, что *необходимость* (хозяйства) появилась в результате *раскола* изначального единства *после грехопадения*. Поэтому представляется, что в *онтологической* основе *внутренней природы* человека, которая *изначально*, исходно явилась в «*эдемском состоянии* прародителей *до грехопадения*», т. е. *до раскола* изначального единства, была *предуказана* свобода-ответственность как своеобразный «геном» развертывания человека как существа свободного и богоподобного, где проявляется единство божественного всемогущества и *самосотворения* человека. «Последний не только рождается тем или иным, но он *становится* самим собой лишь чрез свободное свое произволение, как бы изъявляя согласие на самого себя, определяя свое собственное существо. Человек есть свободный исполнитель своей темы, и это осуществление себя, выявление своей данности – заданности, раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобия и есть творчество, человеку доступное. Поскольку это создание своего подобия есть общая и неотменная основа творения человека, его творчество и вместе самотворчество, саморождение, определяет самое общее содержание человеческой жизни»³².

В своем *самотворчестве*, саморождении «человек не должен ни преувеличивать, ни преуменьшать своей *свободы* и *ответственности*, которая определяется лишь *мерой его положительной* мощи, не меньше, но и не больше»³³ (выделено нами – Г. З., О. К.). Поэтому *онтологическое основание* человеческой жизни – *свобода-ответственность* в изначальной божественной симфонии, в райской жизни до распада эдемского состояния, до грехопадения пред-являлась *мерой* положительной мощи человека. *Разрыв* же *свободы-ответственности*

³¹ Там же. – С. 483-484.

³² Там же. – С. 475.

³³ Там же. – С. 284.

как единства-слиянности двух сторон внутренней целостности эдемской жизни человека предстает действительным *нарушением меры* – своей *софийности*. Этот разрыв свободы-ответственности и порождает необходимость: «У безгрешного человека царило одно основное стремление, с которым согласованы были все остальные: любить Отца волею, мыслью, сердцем и познавать Его в мире. Соблазн гнозиса, помимо любви, оставался ему чужд. Восхотеть мира ради него самого, во имя власти над ним, и значило впасть в магизм, превратиться из прирожденного царя и господина в мага – узурпатора... магизм уже подразумевает возникновение *хозяйственного* отношения к миру – человеческую актуальность, проявляющуюся в умственном, волевом и телесном усилии, или в *труде*, и предполагающую наличность потребности, или хозяйственной нужды»³⁴. Предположение наличности потребности, хозяйственной нужды «творит» необходимость: «хозяйственное, т. е. активно-трудовое, воздействие человека на природу основано на центральном его положении в мироздании, не утраченном и после грехопадения. Оно софийно в глубочайшей основе своей, хотя эта софийность, облекшаяся в магизм и закрывавшаяся корою вещества и природной необходимости»³⁵.

Раскол изначального единства жизни после грехопадения был *столь значительным*, что он сумел *заслонить* собой *постижение ответственности* как *второй стороны* изначальной синкретичности-симфонии Творения. И в этой *синкретичности-симфонии Творения свобода-ответственность* предвечно существовала как онтологическая, потенциальная возможность *сотворения мира*, которая проявилась в божественной самореализации шестиднева и сотворении человека. Само *Творение* явилось результатом процесса *божественного свободного творчества* – «*да будет!*», в котором Господь подверг *оценке* сотворенное словом «*хорошо*», что можно понимать как выражение *Высшей божественной ответственности*, заключенной в самом сотворении-реализации свободного «*да будет!*». Нам видится, что именно в самой задумке Творения и ее реализации в шестидневе Бог заложил и «опробовал» «идею» самоответственности, а когда на шестой день Творения создал человека, то тем самым уже «задал» поле развертывания социальной человеческой ответственности.

Научная мысль, хотя и возникла исторически в лоне мифа и религии, предстала специфическим выражением *разрыва* исходно-первичной синкретичности-симфонии Творения, а вместе с тем явилась как бы *стёртой* стороной человеческого миропостижения. Этому основательно способствовало *искусственно-грубое разделение, разграничение синкретичного единства духовного и материального*. Разрыв этот стал еще более грубым, ибо он утверждался как по сути уже *человеческий, сегомирный*, представший в практическом человеческом сознании, и ознаменовавший отделённость, по-современному – отнесённость к разным «квартирам», «областям», «полям», *вещного* и *идеального* (в фокусе практически-человеческого, жизнедеятельностного плана – *этического*). В этом плане весьма показательна картина единства и различия хозяйства и искусства, а также и соотнесения хозяйства с необходимостью, которая вторично, производно актуализирует ответственность, но уже в отрыве от свободы в повседневной поверхностно-деятельностной жизни.

Но здесь следует различать два модуса деятельности, связанных с ответственностью. Во-первых, в повседневно-обиходном языке понятие *хозяина* органично включает в себя ответственность, именно ту ответственность, которая раскрывается-развертывается как сторона *свободы-ответственности*. Такая ответственность «инициативно при-сущая», как бы «беспризывная», самореализующаяся как мотив глубинного внутреннего духовного мира человека. В понятии «хозяин» человек именно и предстает как «свободный исполнитель своей темы», как «осуществление себя, выявление своей данности – заданности», как «раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобия». В этом

³⁴ Там же. – С. 477.

³⁵ Там же. – С. 478.

плане можно обоснованно утверждать, что именно в таком «модусе» ответственности заключено основание и обоснование уна(ов) как специфически человеческого.

Во-вторых, ответственность во втором «модусе» существует как ответ на необходимость, в существе и основании которой покоится несвобода, принудительность, даже насилие, а ответственность оборачивается, как правило, обязанностью. Рассмотрим более подробно эту проблему.

Одной из фундаментальных идей постижения мироздания и роли в нем человека всегда являлась проблема свободы. В философской и научной традиции провозглашалась и обосновывалась идея, что при познании свободы тем или иным образом привязывалось понятие необходимости. Но вековая жесткая диалектическая взаимосвязь понятий «свобода – необходимость»³⁶ сегодня в формате постнеклассической человекомерной науки позволяет выдвинуть *гипотезу* о том, что эти два понятия и то, что в них выражается, являются *неравновесными*, т. е. *разного уровня* феноменами действительности. Такая привычная, можно сказать догматичная, одноуровневая связь/трактовка «свобода – необходимость» является традиционно схематичной и не совсем продуктивной для познания и понимания внутреннего мира человека-личности. Утвердившийся штамп, который, так сказать, устраивал познающего мироздание, как бы *закрывал вход* в более глубокий «подвал» сущности человека, в его духовно-идеальный мир. *Необходимость* в процессе осознания *многослойности* мироздания относится ко вторичности, *производности* того уровня постижения, который *уже* «накладывается» над свободой, как и над любовью, т. е. над самодостаточностями, самореализующимися *вне* необходимости, *внутри* которой *уже* всегда заключено *насилие*.

В этом плане можно говорить, что *необходимость* связана с *насилием* (и это остается обстоятельством, имеющим, несомненно, фундаментальное значение); *ответственность*, как свобода и любовь, – это всегда *добровольность*. Ответственность «заложена» в самом человеке, его внутренней человеческой природе. Ответственность не насаждается и не вменяется внешним образом. Когда говорят о вменении ответственности, то тем самым *кардинально меняют ракурс* рассмотрения, ибо на самом деле речь идет об *обязанности* как о *внешнем вменении* желательного результата или действия. «Еще четыре столетия назад *ответственность* вменялась роду, общине. Иваном IV, например, ответственность за инакомыслие вменялась целому роду, который вместе с дворней *подвергался наказанию*. До сих пор сохранились рудименты коллективной ответственности, национальной, например. Тем не менее, развитие цивилизации сделало свое дело, и *в наши дни границы ответственности совпадают с границами психосоматической целостности человеческого индивида*»³⁷ (выделено нами – Г. З., О. К.). По-видимому, говорить о вменении ответственности в этом случае можно лишь в переносном, обыденном понимании, ибо констатация, что «границы ответственности совпадают с *границами психосоматической целостности* человеческого индивида» отражают действительно научный подход в определении границ ответственности. Об этом косвенно свидетельствует и указание на наказание, ибо наказание, как правило, следовало за каким-либо внешним запретом той или

³⁶ Внимательные и неоднократные попытки разобраться и понять *почему свобода всегда связывается с необходимостью* приводят лишь к большому массиву вновь и вновь образующихся вопросов, на которые не находятся убедительные ответы. Даже в работе С.Н. Булгакова «Свет Невечерний» во втором отделе «Мир» в пятом подотделе «Свобода и необходимость» почти каждая фраза ставит вопросы, на которые ответов найти невозможно в формате представленных рассуждений. Поэтому и возникает *гипотеза* о том, что *свобода и необходимость* являются прямо *несоотносительными*, т. е. между ними существуют определенные *опосредствующие звенья*, которые *еще только предстоит специально выявить*.

³⁷ Тульчинский Г. Свобода и собственность // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 442.

иной деятельности³⁸. Поэтому в научном плане следует четко *различать ответственность и обязанность* как категории, которые фиксируют *внутренний* мир свободной личности и *внешнее* воздействие на человека, в основу которого предположительно закладывается насилие.

Более глубинное онтологическо-сущностное понимание природы личности, как нам представляется, позволяет *преодолеть* многовековое понимание *одноуровневости категорий свободы и необходимости*, ибо они отражают *разные* уровни или слои постижения внутренней природы человека. Такое углубление позволяет обосновать и оперировать понятием «свобода-ответственность», которое *лишь затем* в последующей своей трансформации во вполне определенном аспекте *развертывается* в понятие «необходимость».

В этой связи нужно обратиться к тому месту в творчестве Н.А. Бердяева, где он рассматривает два состояния мира, которые характеризуют дуализм свободы и необходимости. «Вопрос ставится о двух *состояниях* мира, которые соответствуют двум разным структурам и направлениям сознания, прежде всего дуализма свободы и необходимости, внутренней соединенности и разъединенности и вражды, смысла и бессмыслицы. Мы живем в мире необходимости, разъединенности и вражды, абсурда и бессмыслицы. Но мир не исчерпывается этим состоянием, которое есть состояние падшести, возможно другое состояние мира, и оно требует иного сознания. Да и нет основания утверждать, что существует только один мир. Важнее же всего сознавать, что дух совсем не есть реальность, сопоставимая с другими реальностями, напр. с реальностью материи; дух есть реальность в совсем другом смысле, он есть свобода, а не бытие, качественное изменение мировой данности, творческая энергия, преображающая мир. Еще нужно сказать, что нет духа без Бога как первоисточника. Духовный опыт человека, на котором только и может быть основана метафизика, есть единственное доказательство существования Бога. Мир необходимости, отчуждения, абсурдности, конечности, вражды – есть мир суженного сознания, выброшенного на поверхность, для которой закрыта бесконечность»³⁹. Свобода и необходимость здесь разведены по *разным* уровням-«квартирам», которые соответствуют двум разным структурам сознания: *свобода* понимается как глубинная *реальность духа*, не бытие; *необходимость* же представляет иную реальность – *мир суженного сознания, выброшенного на поверхность*, которая соотносится с реальностью материи, где существует отчуждение, разъединенность, вражда, насилие⁴⁰.

При этом можно предположить, что *парным одноуровневым категориальным*, но более поверхностным выражением свободы-ответственности является «*воля – необходимость*». В первом приближении раскрытия этой проблемы можно использовать рассуждения Г. Тульчинского. «Действительно, есть ситуация свободы и есть ситуация воли. Свободен я только там и тогда, где и когда сам принимаю решения. Сфера моей свободы есть сфера моего автономного поведения. Но мои решения – исключительно мои – и вменяться могут только мне и никому другому. И тогда сфера моей свободы совпадает со сферой моей ответственности. Если я свободен – я ответствен за проявления свободы. Свобода и ответственность – как две стороны одного листа бумаги, как два конца одной и той же палки

³⁸ Это та же проблема закона (морального, юридического), который фиксирует уже нечто ставшее, сложившееся, установленное, а нарушение этого «нечто» наказывается. В законе фиксируется не внутренне духовно-душевное состояние, а внешний строй человеческих отношений. В этом аспекте и возникает вменение обязанности человеку под угрозой внешнего насилия.

³⁹ Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 21-22.

⁴⁰ Свобода, как представляется, относится к ноуменам, а необходимость – к феноменам.

– друг друга немыслимы и друг друга предполагают. Как я могу стать свободней? Только расширив свою ответственность»⁴¹.

Совершенно *иной* представляется *воля*: «В ситуации *воли я не ответственен*. Я – самозванец, меня как меня нет, есть «я от имени»... Столкновение *волей*, война *волей* умирятся только самой сильной волей самозванца, насильем и установлением иерархии «ответственности». В кавычках, потому, что *административно-канализационная сверху вниз* ответственность не порождает ничего, кроме *фактической всеобщей безответственности*. Человек будет делать все, чтобы уйти от ответственности, чтобы принимаемые решения были не его решениями. Ответственность будет перекладываться на вышестоящий приказ, смежников, погодные условия, климат, происки врагов и т. д. Это бегство от себя, свобода воли как *воля к несвободе*»⁴² (выделено нами – Г. З., О. К.).

Выделенные курсивом слова в характеристиках ситуации *воли* весьма показательны в том плане, что констатируют тезисы: «я не ответственен», «я от имени», «воля к несвободе». Общая логика этих констатаций, их суть говорит о том, что в ситуации воли неизбежно всё приводит к режиму, формату *необходимости*: «*усмирение самой сильной волей*», «*административно-канализационное сверху вниз насилье и иерархия «ответственности»*», которые в итоге дают «*фактическую всеобщую безответственность*» и неизбежно оборачиваются укоренением *необходимости*. Поэтому и представляется обоснованным соотносить свободу не с необходимостью, а с ответственностью, а *необходимость* требует соотнесенности с *волей*.

Разделенная по областям и направлениям наука, прежде всего гуманитарная, в *поле этического* «прописала» себе некую функцию и предметность как *ответственность*, односторонне крайне огрубив и исказив реальность. Это весьма наглядно представляется ныне при исследовании проблем *социальной* ответственности. Для современных экономистов превосходным *отрицательным* примером может послужить введенное И. Бентамом, а далее схематично-поверхностно развитое и довольно показательно-подражательно представляемое, *якобы* осуществленное А. Смитом, профессором *нравственной философии*, разнесение к *разным сферам* научных интересов материального богатства и нравственных чувств. В экономической науке это событие можно считать той уже традиционной демаркационной линией (границей, пределом), которая выявилась и предстала в виде предметного поля исследований экономики. Причем стало весьма показательным, что если проблема (экономической) *свободы* трактуется чуть ли не в роли *краеугольного камня* либеральной теории экономики, то на исследования другой *неразрывной* стороны свободы – *ответственности* практически был *наложен молчаливый запрет*, подразумевающий даже явный вред от именно *человечной* (нравственно ответственной) деятельности в производстве материального богатства. Проблема ответственности *искусственно сознательно* выпала из поля зрения экономической науки и стала её позабытой недостойной падчерицей.

Между тем в этой связи необходимо указать на два момента. Во-первых, следует акцентировать внимание *неискушенных* в истории экономической мысли экономистов, которые весьма односторонне, неглубоко и, можно сказать, по варварски относятся к творческому наследию А. Смита как величайшего мыслителя (а не просто как к экономисту), ибо «экономическое мировоззрение Адама Смита, его «Богатство народов», есть *только уголок, одна из подробностей* его общего мировоззрения, разработанного по широкому философскому плану... его экономическая система вошла лишь как *один из отделов* нравственной философии, которую он читал в Глазговском университете»⁴³ (выделено нами – Г. З., О. К.). Общим основанием и исходной точкой целостного мировоззрения А. Смита,

⁴¹ Тульчинский Г. Свобода и собственность // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 443.

⁴² Там же. – С. 443, 444.

⁴³ Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. – М.: Астрель, 2007. – С. 284.

его философии являлось чисто религиозное учение о Боге, а суть отличительными чертами были мудрость и благодать. При этом А. Смит исходил из того, что «природа так устроена, что то, что осуждается совестью и нравственными чувствами, то вредно для общества. Вот основная мысль, которая положена и разработана подробно в сочинении «Теория нравственных чувств»⁴⁴. Но наличие и влияние у человека альтруистических мотивов и их сопряжение с эгоистическими мотивами, в частности к экономической деятельности, стало объектом изучения А. Смитом последних. «Богатство народов» явилось как бы одной из глав его этической, общеполитической системы – *именно главой*, изучающей влияние эгоистических мотивов», как одной из частей его общего плана изучения и чтения лекций. В этой связи С.Н. Булгаков разъяснял: «Если забыть или не принять во внимание этот общий план работ Адама Смита и его мировоззрения, то *покажется*, что между «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народов» существует не только несогласованность, а *прямо противоречие*. В одном он рассматривает человека как существо, действующее по мотивам альтруизма, а в другом как существо, преследующее исключительно свою выгоду. «Богатство народов» выработало ту функцию, которая была принята и развита дальше в политической экономии, которая осталась даже в марксизме, *фикцию* о так называемом «экономическом человеке», т. е. такое представление о человеке, что *человек* руководится *всегда и во всем исключительно* мотивами себялюбия, экономического расчета. Это у Адама Смита, однако, *не противоречие*, а просто *специализация изучения различных сторон* деятельности человеческой души, причем одно восполняет у него другое. «Богатство народов», которое считается общепризнанным как *первый трактат современной политической экономии*, и является, во всяком случае, классическим сочинением экономической науки, по своему происхождению представляет из себя как бы *прикладной отдел* нравственной философии. Последняя, стало быть, явилась колыбелью для политической экономии»⁴⁵ (выделено нами – Г. З., О. К.).

Все это весьма однозначно и четко, веско говорит о том, что «предметом» научного изучения-постижения должен быть *целостный* человек, в котором альтруистические и эгоистические мотивы *не противопоставляются*, а анализ должен вестись из идеи о существовании *общей мировой гармонии*, для обеспечения которой оба вида мотивов и соответствующие действия *служат на благо как человеку, так и человечеству*. Нарушение меры между двумя видами мотивов разрушают общую мировую гармонию, что становится источником кризисности и катастрофичности. Поэтому предметная научная специализация, чтобы не быть осколочной, умертвляющей живую целостную жизнедеятельность, необходимо должна подчиняться изначальной идеи (в геноме, коде, уне) синкретичности. В этом плане совершенно прав В. П. Зинченко в постановке вопроса о «новой синкретичности»⁴⁶, хотя о самой ее содержательности и понимании могут быть разные мнения.

Во-вторых, нужно понимание, что длящийся сегодня кризис экономического (неоклассического, неолиберального, экономикс-ического) миропонимания предстал главной причиной грубого научного *искажения* истинного понимания природы, места и роли *целостного* человека в обустройстве Универсума, прежде всего – *ценностно-смыслового* континуума Хозяйства как сферы человеческого жизнеотправления. Кризисность повсеместно вменяемого неолиберального мировоззрения, *изначально чреватая искаженностью-кризисностью* экономической действительности, которая ныне предстала во всей своей «красе», не просто вынужденно, но *необходимо* поставила во весь рост проблему *жизне-* и *человекоспасения*, прежде всего как осмыслительную архиважную задачу. И исходной точкой требуемой *о-смысл-*ительной работы предстает возвратное

⁴⁴ Там же. – С. 286.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Зинченко В.П. Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997. С.

движение, смыслопонимательная измененность неизменности⁴⁷, или же воспоминание исходного начала смыслопоиска – «бесспорной одухотворенности вещи» (П.А. Флоренский). В этом воспоминании первостепенную, фундаментальную роль начинает играть не просто высоко неолиберализмом чтимая, но, по сути, – и пустозвонная свобода, а именно *ответственность*, вне которой осмыслить кризисную современность совершенно *невозможно*. Поверхностный схематизм такого понимания укладывается в благозвучный тезис: *свобода* должна быть *ответственной*, *ответственность* – *свободной*. Но за этим броским популистским тезисом, прежде всего провозглашенным в сфере корпоративной социальной ответственности, предстает та простота, которая *хуже воровства*. Разделенность свободы и ответственности принесла много бед человечеству, но толи еще будет. За введенной категорией «свобода-ответственность» должна стоять смыслопостижительная (воспоминающая онтологическая) деятельность человека как целостной личности.

В этом плане опять, но с другой стороны мы вновь подошли к проблеме «нового» синкретизма. В принципе мы вполне солидарны с В.П. Зинченком в том, что «мы сейчас подошли к такой точке в нашем мысленном движении, что *ретроспектива* становится нашей *перспективой*. Возможно, идеалом современного знания должен стать *новый синкретизм*. Именно новый, т. е. не только вспомненный, но и построенный заново. Для этого полезно вернуться к состоянию *методологической невинности* (в нашем исследовании – прежде всего через отрицательно-критическое, можно сказать, вредоносное отношение к неоклассической методологии индивидуализма – Г. З., О. К.), задуматься над тем, *какая онтология* лежит за нашими, как нам кажется, рафинированными понятиями и категориями⁴⁸ (выделено курсивом – Г. З., О. К.). Такой возврат к методологической невинности(?) настоятельно необходим именно потому, что практически во всех разговорах о методологии, как обратил внимание на это В.П. Зинченко, *не было одушевленности*, ибо «методологический» разговор являлся «демагогическим, скорее, приказным».

При этом крайне важно акцентировать внимание на том, что переосмысление и одушевление, а шире – *одухотворение* для создания новых «синкретов» не предполагает обязательного выдумывания новых понятий и категорий. Нам представляется более плодотворным выявление *внутреннего образа*, когда «живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела»⁴⁹.

Обдумывая проблематику «нового» синкретизма, мы обосновано пришли к выводу о том, что, во-первых, смысл «нового» – не так уж и нов, ибо за ним скрывается, как правило, специфический, *не вспоминаемый* сегодня, внутренний глубинный смыслопоиск, а без или вне него «объяснение» есть только занавешение срамной картины нашего неведения⁵⁰. Во-вторых, при небольшом понимающем усилии даже поверхностно знакомый с наработанными знаниями в современной размыслительной *метаметодологии* – *философии хозяйства* – может выделить ядро интуитивного, но и логического смыслопостижительного рассуждения-троичности «личность – деятельность – хозяйство», позволяющему сущностно связать «новую» синкретичность с *одухотворенностью-человечностью*, очеловечиванием Универсума. В-третьих, смыслопостижительный, но явленно представленный образ «личность – деятельность – хозяйство» все же предстает лишь *приоткрываемой дверью* во внутренний ценностно-смысловой мир, где человеческая природа исходно синкретично

⁴⁷ См., в частности: Задорожный Г.В. Политическая экономия: неизменная измененность предметного поля исследований // Социальная экономика, 2012, № 1. – С. 7-20.

⁴⁸ Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997. – С. 242.

⁴⁹ Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 томах. Т. 2. – М., 1990. – С. 171.

⁵⁰ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Ч. 2, 3. – Петроград, 1923. – С. 23.

потенциально *самопредопределяется* архетипом «свобода-ответственность», лежащим в основе оснований и «задающим» голографический образ-геном для развертывания *качества самой человечности*. Онтологический «геном» как «начало» двойной спирали генетического кода «свобода-ответственность» жизнедеятельностно развертывается в феноменологическом эмпирически единственном предстоянии-реализации процессирующей синкретичности «личность – деятельность – хозяйство». При этом понятия «личность», «деятельность», «хозяйство», взаимно отсвечиваясь между собой, позволяют выявить-выделить главную специфику не только «новой», но и «старой» забытой синкретичности именно через постоянно длящийся процесс одухотворения-очеловечивания в высшей точке напряжения – человекоспасения.

В русле мысленного движения-смыслопостижения человека и Универсума «ретроспектива становится перспективой», а «новая» синкретичность предстает как сущность-реализация переосмысление-воспоминание исходного единства архетипа «свобода-ответственность». М. Мамардашвили говорил, что «перед пустым миром я беру на себя бремя ответственности, я подчеркиваю, *ответственности, не имеющей основания*, потому что если бы было основание в мире, то мир был бы не пустым, а мы договорились, что мир экстремальный, в пограничной ситуации. Это очень странная ответственность: она основана на *существовании того человека, который взял на себя ответственность. После акта ответственности* в мире могут быть предметы, например моральные или юридические нормы»⁵¹ (выделено нами – Г. З., О. К.). Конечно, как-то странно непонятно звучит это высказывание, если не вникать в самые глубины процесса миропостижения. Но это высказывание становится совсем не странным и начинает проясняться, если вспомнить философию Декарта, которая имеет исходным началом: «*Можешь только ты!*», а по его онтологии «достаточно одного сознающего существа, чтобы все было». Суть философии Декарта, согласно М. Мамардашвили, выражена в том, что «*мир, во-первых, всегда нов* (в нем как бы ничего *еще не* случилось, а только случится *вместе с тобой*), и, во-вторых, в нем *всегда есть для тебя место*; и оно тебя ожидает. Ничто в мире *не определено до конца*, пока *ты не занял пустующее место* для доопределения какой-то вещи: восприятия, состояния объекта и т. д. И третье (не забудем, что прошлое – враг мысли, борясь с прошлым, мы восстанавливаем себя): *если в этом моем состоянии все зависит только от меня*, то, следовательно, *без меня в мире не будет* порядка, истины, красоты. Не будет чисел, не будет законов, идеальных сущностей, ничего этого не будет»⁵² (выделено нами – Г. З., О. К.).

В интересующем нас аспекте постижения синкретичности можно говорить о том, что начало «*Можешь только ты!*» в глубинном онтологическом плане соотносится со *свободой-ответственностью личности*: «только случится вместе с тобой», ибо ты «занял пустующее место для доопределения какой-то вещи» и «без меня в мире не будет порядка». И этот приход в мир есть прежде всего приход *в себя и к себе*: только этот приход как бы *исходно гарантирует* (заключает в самом себе) *порядок в мире моей личной свободой-ответственностью*.

В заключение нашего небольшого по объему, но всё же, как нам представляется, глубокого по смыслу исследования хочется привести замечательные и сегодня весьма актуальные слова великого естествоиспытателя и мыслителя В.И. Вернадского из его статьи «О русской интеллигенции и образовании»: «Меня не смущает, что... те лица, в глубине духовной силы которых совершается сейчас огромная, невидимая пока работа, как будто не участвуют в жизни. На виду большей части не они, а другие люди, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидимый во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового

⁵¹ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 261.

⁵² Мамардашвили М. Картезианские размышления. – Второе изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 20, 26.

человеческого сознания. Он зреет, время его придет, и последнее властное слово скажет он, а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно».

УДК 316.4:316.61(477)

Обосновывается необходимость выделения личностного архетипа (генома) «свобода-ответственность» как истинного основания целостной деятельности человека и хозяйства. В развертывании этого генома видится главная проблема исследований современного человекомерного познания и источник-условие спасения человечества в XXI веке.

Ключевые слова: архетип, свобода-ответственность, синкретичность, человекоспасение, грехопадение, самотворчество, духовно-нравственная ценность, человечность, хозяйство.

Обґрунтовується необхідність виділення архетипу (геному) «свобода-відповідальність» як істинної основи цілісної діяльності людини і господарства. В розгорненні цього геному вбачається головна проблема досліджень сучасного людино розмірного пізнання та витіку умова спасіння людства у XXI віці.

Ключові слова: архетип, свобода-відповідальність, синкретичність, людиноспасіння, гріхопадіння, самотворчість, духовно-моральнісна цінність, людяність, господарство.

Substantiates the need to allocate personal archetype (genome) "freedom-responsibility" as the true foundation of holistic human activity and economy. In deployment of this genome sees the main problem of modern research of man-size cognition and source-condition for the salvation of mankind in the XXI century.

Keywords: archetype, freedom-responsibility, syncretism, fall of man, self-creation, spiritual and moral values, humanity and economy.

Поступила в редколлегию 19.08.2013 г.